

Светлана Скворцова

«Господи, благослови! Пли!» Похоронные ритуалы и практики прощания с участниками СВО

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Center for Independent Social Research, Berlin

№4 | февраль
2026

Содержание

- 2 Введение: мобилизованные мертвые
- 4 «Бойца надо достойно похоронить - он погиб за нас с вами...»
- 9 Человек в военной форме
- 13 Право на тело, право на слезы: семья и государство в ситуации военных похорон
- 16 «Бесплатные похороны» и «платное опознание»: последний долг герою
- 18 Вместо заключения

Введение: мобилизованные мёртвые

«Сначала кажется, как будто здесь ничего и не происходит, как будто войны и нет. Но вот съездила на кладбище к бабушке – там видно, что очень много погибших. Много могил с флагами» — делилась со мной впечатлениями от визита в свой родной город подруга. Лет двадцать назад она уехала в Германию учиться и осталась там жить, а сейчас приехала в Россию навестить маму.

Война, которая как бы и не война, а спецоперация, действительно не слишком очевидна на улицах российских городов. Особенно тех, которые не подвергались атакам беспилотников. В основном о ней напоминают давно вписавшиеся в городские пейзажи и уже практически не замечаемые постеры с призывами поступить на контрактную военную службу. На них с изрядной долей регулярности меняются цифры стоимости человеческой жизни. Война маскируется, боязливо замалчивается, стыдливо прячется или, напротив, бесстыдно игнорируется.

Однако визиты на кладбища действительно возвращают к военной реальности, и множество могил с развевающимися российскими флагами напоминают о цене войны. Военные смерти сейчас сложно скрывать или замалчивать. В 2014 году приходили новости о тайных похоронах псковских десантников, погибших на территории Украины. Эти похороны были настолько сокрыты, что, по словам журналистов, с могил исчезали даже таблички с именами — так «смерть по приказу власти была обезличена» (Еремеева 2015: 35–36).

Зима 2025–2026. Фото автора.

Ныне смерти погибших на войне людей откровенно явлены миру. На том же самом кладбище Выбуты близ Пскова, где проходили «секретные похороны» в 2014 году, сейчас активно хоронят участников СВО – для этого выделен специальный, очень живописный участок на берегу реки Великая. Здесь же установлен большой мемориал, который, как анонсировали в локальных новостях, стал первым в Псковской области мемориалом в память о погибших бойцах «СВО». ¹

¹ Мемориал «Воин» героям-защитникам Отечества – павшим бойцам СВО в Выбутах

Зима 2025–2026. Фото автора.

Место человеческого горя и скорби оказывается густо маркировано государственными символами, а практика погребения четко регламентирована государством и сопровождается множеством ритуалов. Как писала Кэтрин Вердери, мёртвые тела продолжают жить политической жизнью, так как становятся инструментами в политических играх (Verdery 1999). Практики погребения, поминовения и увековечивания памяти погибших военных свидетельствуют о том, что, даже будучи мертвыми, они остаются мобилизованными, правда теперь уже для идеологической работы.

Этот текст вырос из исследования, проводившегося в разных по масштабу российских городах – в мегаполисе, а также в областных и районных центрах. В ходе исследования проводились наблюдения на кладбищах, а также интервью с сотрудниками кладбищ, социальными работниками, организующими похороны, и с людьми, которые хоронили своих знакомых и близких, воевавших и погибших в ходе так называемой Специальной военной операции.

«Бойца надо достойно похоронить - он погиб за нас с вами...»

Практически во всех беседах с профессионалами или теми, кто похоронил своих родных и близких, звучал мотив «**достойных похорон**». Так, один из моих собеседников рассказывал:

«Я весной хоронил своего друга, который погиб под Курском. И был свидетелем того, как всё это происходит. Надо сказать, **очень хорошо, достойно** всё это. И даже руководил этим всем такой какой-то майор из военкомата. Вот прям так вот с караулом, с салютом, да. С выделенным транспортом, с сопровождением оркестра [...] Все похороны за государственный счёт. Хорошо сделаны! **Хоронили прямо его очень достойно**. Вот, там вот все это под флагами... **Выверено всё, по верёвочке отбито...**».

Такие «достойные похороны» погибшим в ходе боевых действий в Украине обеспечивает государство. В структуре Министерства обороны РФ есть специальный «Департамент по увековечению памяти погибших при защите Отечества», в обязанности которого, среди прочего, входят задачи по организации похорон военных². Саму процедуру захоронения регулирует Приказ Министра обороны РФ от 07.11.2024 N 685, на третий год войны скорректировавший предыдущие подобные приказы и действующий поныне³.

Процедура захоронения сильно регламентирована. Сценарий похорон прописан в мельчайших деталях - от ролей участников событий и последовательности всех действий, до текстов, которые озвучивают официальные лица, присутствующие на мероприятии. Этот сценарий, как и тексты речей, были разработаны уже давно, но ныне несколько откорректированы и, с небольшими вариациями, воспроизводятся практически по всей территории РФ. Один из моих собеседников – представитель социальной службы, в обязанности которого входит ведение этой процедуры – со страшной скоростью выдал наизусть речь, которую произносит на похоронах военных. Он утверждает, что его хоть ночью разбуди – отскакивает от зубов, уже столько раз эти слова были им проговорены:

«В общем-то, есть разработанный уже текст, ритуал. Мы отступать от него не можем, вплоть до последней точки: «Уважаемые товарищи, военнослужащие, представители администрации, сегодня мы прощаемся с таким-то, таким-то, тот-то, тот-то... Он отдал свою жизнь за родину,

² <https://mil.ru/activity/commemoration>

³ Приказ «Об определении Порядка погребения погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, граждан, уволенных с военной службы, инвалидов Великой Отечественной войны и инвалидов боевых действий, участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, ветеранов военной службы, оплаты услуг по погребению, а также по изготовлению и установке им памятников

не остался в стороне» и так далее. Всё по тексту».

Сведения о погибшем приходят в военкомат, представители которого связываются с родственниками и, по прибытии тела, запускают всю процедуру. Зачастую, к работе военкомата присоединяются Советы ветеранов и социальные службы. Эти три организации при содействии или участии местных/районных администраций фактически и организуют похороны. Сотрудники этих организаций при взаимодействии с семьями погибших оформляют необходимые документы, сопровождают родственников на кладбище, чтобы решить вопросы с местом захоронения, и проводят, собственно, саму процедуру похорон.

В их задачи входит предоставление транспорта к месту захоронения, организация и проведение небольшого митинга с речами от представителей властей и военкоматов, торжественное возложение венков. В крупных городах зачастую похороны сопровождает медицинский работник, при необходимости предоставляющий медпомощь. Военкомат и представители городской и/или районной администрации выделяют венки и иногда живые цветы. Ресурсами на все эти мероприятия обладают лишь крупные населенные пункты. Зачастую, многие организационные дела остаются родственникам, а помощь и непосредственное участие государства минимизируется и сводится лишь к финансовой поддержке.

«Достойное захоронение» связано с торжественностью ритуалов, которые сопровождают похороны. Воинский караул и оркестр создают необходимую торжественную атмосферу. Музыкальный репертуар, кстати, тоже строго регламентирован и включает в себя несколько военных маршей. Как рассказывали участники похорон, обычно процедура спуска гроба в могилу сопровождается гимном и ружейным салютом — так государство прощается с теми, кто отдал свою жизнь за него. Ритуал с российским флагом тоже придает мероприятию статус дела государственной важности. Им во время митинга накрывают гроб, а перед спуском в могилу торжественно передают родственникам на хранение. Однако часто знамя остается на кладбище — его тут же, по желанию родственников, устанавливают на могиле. По частной инициативе родственников, друзей или сослуживцев могут устанавливать и другие флаги, например, по роду войск. Могилы погибших бойцов частных военных компаний, например «Вагнера», отмечены символами этих компаний. Именно благодаря всей этой атрибутике становятся очевидны места захоронений погибших в Украине военных. Такая мемориальная практика уже породила коммерческие предложения. В частности,

⁴ Например, сувенир на Ozon: 135x90см НашФлаг Траурный героям СВО Большой Уличный

один из крупнейших российских маркетплейсов Ozon предлагает множество вариантов флагов именно для установки на могилы погибших бойцов⁴. Несколько человек мне озвучивали версию, что сначала власти хотели запретить флаги на могилах с тем, чтобы «люди не видели реальные масштабы» потерь, но затем перестали бороться с этим явлением и «возглавили его».

Иногда, по запросу родственников, в сценарий вписан религиозный обряд. Так, для православных проводится отпевание в церкви. В момент захоронения тела в могилу может присутствовать батюшка или другой священник. Сочетание гражданских и религиозных обрядов в момент похорон хорошо иллюстрирует союз власти с церковью. Как рассказывала участница похорон, чей мобилизованный родственник погиб в Украине:

«Военком [ведущий похороны] как крикнет «Господи, благослови! Пли!». При чем здесь «Господи, благослови»?!»

Помимо торжественных процедур, «достойное захоронение» реализуется через выделение особого места на кладбище. По согласию родственников, погибшего можно похоронить в местах компактного захоронения бойцов или так называемых Аллеях славы. По наблюдениям, такие Аллеи в основном располагаются в центральном месте, поближе к выходу – они заметны и выделяются. Так, на кладбище в Выбутах, о котором шла речь вначале, компактное место захоронения военных, погибших на войне в Украине, расположено прямо у въезда на кладбище, близ церкви, с видом на реку. В то же время есть «плохие места», недостойные, неправильные для захоронения героев – об этом, в частности, идет речь в репортаже Дождя «Похоронили на свалке»⁵, когда родственники погибших, канализируя боль и недовольство от потери близких, жалуются именно на плохие места на кладбище – сырые, замусоренные, на отшибе и так далее, потому как герои СВО **достойны** лучших мест на кладбище.

⁵ «Похоронили на свалке»: матери погибших свощников о борьбе с властями за место на кладбище

Интересно, что расположение военных могил на кладбище отражает и воспроизводит воинские иерархии. Как описывал такие места захоронения один из моих собеседников, чья профессиональная деятельность связана с организацией похорон:

«Генералы впереди, полковники за генералами. Майоры за полковниками... Но это так, кажется, естественно».

Иерархичность захоронений озвучивалась и в ходе другой беседы. Когда мы обсуждали пустые площадки для захоронений на одном

из кладбищ районного центра, моя собеседница заметила:

«Ну там уже больше, наверное, не будут хоронить. Там могилы героев России. Если только тоже таких же Героев».

Речи, которые произносятся на панихиде, как уже отмечалось выше, выверены и «забетонированы», импровизации и отступления в них практически невозможны. С одной стороны, как известно, слова имеют силу. С другой – эти клише через многократные повторения теряют силу своей убедительности и сочувствия. Однако они встроены в ритуал «достойных похорон». Через эти речи производится и утверждается героизация погибших в войне, отдавших государству самое ценное, что есть у человека – свою жизнь. Интересно, что ритуальные сайты тоже предлагают уже сформулированные и правильные слова поддержки родным в случае смерти солдата. Вот несколько примеров таких текстов:

«Ваш муж войдет в историю как настоящий герой. Его мужество – немой свидетель того, какой сильной личностью он был».

«Ваш сын / брат / муж – настоящий патриот! Не может быть большей жертвы, чем собственная жизнь, и это истинное проявление мужества».

«Мы сопереживаем потере вашего мужественного сына. Нет слов, чтобы передать его храбрость и самоотверженность. Он был настоящим солдатом. Отвага – его второе имя».

«Страна в неоплатном долгу перед вашим сыном за его храбрость и службу. Он был замечательным молодым человеком, и его будет очень не хватать».

«Ваш брат прославил свою страну. Он служил идее, которая была для него важнее собственной жизни. Вечная память!»⁶

⁶ Соболезнования по поводу смерти солдата

Фразы неживые, казенные. И вряд ли они послужат поддержкой родным, потерявшим близкого человека. При этом в них четко прочитывается государственная идеология, в рамках которой мужественность – это храбрость и отвага, патриотизм выражен в жертвоприношении родине, а идея важнее человеческой жизни.

Итак, «достойные похороны», предлагаемые государством и в то же время ожидаемые родными и близкими погибшего на войне бойца, демонстрируют, что «смерть была не напрасной». Она произошла во имя высокой цели – «защиты Отечества». Государство демонстрирует заботу о своих героях несмотря на то, что герой мертв. Хотя, если быть точным, именно благодаря смерти человек стал героем. Такая поддержка, по мнению государства, служит инструментом поддержания лояльности и морального духа. По большому счету, «достойные похороны», делая военную смерть явленной и почетной, легитимируют военные действия. При этом мёртвые тела становятся мощным инструментом власти, они продолжают служить государству, а «достойные похороны» выступают не столько компенсаторным механизмом, сколько участвуют в управлении памятью и в производстве лояльности.

Зима 2025–2026. Фото автора.

Человек в военной форме

«Если он погиб, значит мы с вами работаем, живём. Неважно, каким он был. Пил он там, слесарь он там, сантехник, еще кто-то. Меня это не касается. Для меня он воин и герой СВО. Остальное меня не интересует. Поэтому давайте к нему отнесемся с уважением»

— рассказывал мне молодой человек, организующий похороны погибших на войне с Украиной. Это высказывание хорошо иллюстрирует подход и интерпретацию военных похорон, в которых важна единственная ипостась человека – то, что он был бойцом. Иные социальные роли, идентичности и персональные характеристики, да фактически вся предыдущая жизнь человека оказываются менее значимыми, нежели факт, что он воевал и был убит.

Специфический похоронный ритуал призван утвердить в качестве основной военную ипостась погибшего. Мёртвое тело, если это возможно, одето в военную форму. Фотографии и надгробные изображения тоже представляют погибшего в военной форме. Социальные исследователи предлагают рассматривать надписи и изображения на надгробиях как многослойный текст, который дает «новую оптику [...] для опосредованного говорения о человеке в контексте его биографии» (Шерстобитов 2015: 172).

Оставляя в стороне тонкости и глубину семиотического анализа надгробных образов и символов, отметим лишь, что на надгробных изображениях в основном представлены военные со всей воинской атрибутикой. Эти изображения могут быть более официальные, в формате фотографий «на воинский билет», или же более «живыми» — перенесёнными на камень с любительских фотографий в какой-то момент их военной службы. В последних поражает богатая воинская амуниция. Бойцы представлены в полной боевой выкладке — в касках, бронежилетах, с оружием в руках. Несколько раз на надгробных изображениях встречался дрон, свидетельствующий не столько о военной специализации погибшего, но напрямую отсылающий именно к текущей войне в Украине, специфика которой связывается с этим видом оружия.

Удивляют надгробные портреты, на которых лицо военного буквально чуть приоткрыто и почти не просматривается из-под балаклавы или маски. Здесь речь отнюдь не идет о сокрытии личности как о принципе безопасности военного – всё худшее уже случилось. Просто таков образ современного военного. В данном случае воен-

ная амуниция делает человека практически безликим – она полностью скрывает и вытесняет личность образом человека в военной форме, фактически скрывающим все персональные отличия. Предельно милитаризованные образы становятся маркерами групповой репрезентации и формируют память о человеке исключительно как об участнике СВО.

Зима 2025–2026. Фото автора.

Фоновые рисунки надгробных изображений часто включают в себя государственную, религиозную и национальную символику – флаги, маковки церквей, берёзки. Эти изображения, по сути, выступают гиперреальностью и представляют общий социальный или, точнее говоря, идеологический контекст, в котором формируется память о человеке как о герое войны.

Одно из важных отличий нынешних военных захоронений – позывные на надгробиях. Очень часто на памятниках бойцам, погибшим на войне в Украине, обозначены не только фамилия-имя-отчество, но и «второе имя» - так называемый позывной, использовавшийся во время боевых действий. Они встречаются и на индивидуальных надгробиях, и на общих памятниках.

Оставим в стороне происхождение этих позывных, хотя многие из них «здесь и сейчас» звучат нелепо или вызывают недоумение. Важно, что они вынесены на памятник и существуют наравне с именем человека. Позывной становится главной идентичностью

солдата в зоне боевых действий, заменяя имя в рамках воинского коллектива.

Зима 2025–2026. Фото автора.

Очевидно, во время войны публичное использование настоящих имён может быть нежелательно по соображениям безопасности, что, пожалуй, уже не столь актуально для мёртвого человека. Однако позывной на могильной плите демонстрирует значимость новой идентичности. В данном случае смерть солдата осмысливается не как уход человека, но как гибель воина. Через позывной фиксируется последний и потому главный социальный статус бойца. С позывным на могиле, солдат, по сути, остается «на боевом посту», что придает смысл его трагической смерти и вписывает её в героический контекст.

Итак, ритуалы и бонусы от государства, сопровождающие похороны бойца, погибшего в ходе СВО, выступают инструментом героизации погибших, их политической коммеморацией и, по большому счёту, легитимации войны. В то же время, компактные места захоронений, унифицированные памятники с однообразными фотографиями, похороны по единому сценарию сопровождаются деиндивидуа-

лизацией. Погибший солдат редуцируется до единственной ипостаси — «воина СВО». Его довоенная жизнь, личность, социальные роли стираются, замещаясь милитаризованным образом, как это видно в замещающих личность позывных на надгробиях, портретах в балаклавах и образах в полной боевой амуниции. Таким образом похоронный ритуал производит не столько память о конкретном человеке, сколько идеологический конструкт «вечного воина», чья смерть осмысливается не как личная трагедия, но как героическая жертва, вписанная в официальный нарратив.

Зима 2025–2026. Фото автора.

Право на тело, право на слезы: семья и государство в ситуации военных похорон

На вопрос о том, могут ли родные хоронить своего погибшего сами, без торжественных похорон, без оркестра и салюта, не в месте компактного захоронения, а рядом с уже умершими членами семьи, социальный работник, который сопровождает семью в процессе похорон, ответил мне: «Семья от нас отказаться может. Мы от неё отказаться не можем».

Согласно различным социальным исследованиям, похороны в современном мире остаются важнейшим событием семейной интеграции (см., например, Тони, Тара 2023). И несмотря на тенденции сильной трансформации самого института семьи, на появление посредников в виде ритуальных агентств и пр., в ситуации смерти родственника семья по-прежнему собирается вместе, и ее члены мобилизуются для решения вопросов по организации похорон. Смерть родных проявляет границы семьи и утверждает членство в ней, раскрывает внутренние диспозиции и иерархии.

Военные похороны в определенном смысле отчуждают семью. И несмотря на декларируемый приоритет семьи в вопросах захоронения, государство пытается оспорить это «последнее право». Социальный работник, чьи слова приводятся выше, позднее в нашей беседе рассказывал, что обычно начинает уговаривать родителей, вдову или детей погибшего не отказываться от положенных почестей. И в качестве аргумента звучит: **«Это же надо не вам. Это ему, воину».**

Государство берет на себя организацию похорон, и это, безусловно, во многом освобождает людей, потерявших своего близкого, от множества проблем и забот. По мнению организатора похорон:

«Вообще лучше, когда родственники не вмешиваются в оформление бумаг, а просто присутствуют и подписывают, что им говоришь. Потому что, если они начинают вникать, вмешиваться... Мы сами лучше оформим, что там они оформили, куда поехали, ничего непонятно».

Даже готовый сценарий и его режиссер – церемониймейстер, ведущий торжественное мероприятие, – помогает горюющим людям не задумываться над процессом и его организацией, а полностью отдаться своим переживаниям. При этом семья, потерявшая кормильца, через публичные почести получает символическую компен-

сацию — признание заслуг погибшего. Как следствие, происходит и переопределение собственного статуса — «семья героя». С другой стороны, все процедуры и ритуалы как раз работают на то, чтобы изъять человека из семьи и встроить память о нём в широкий идеологизированный национальный нарратив.

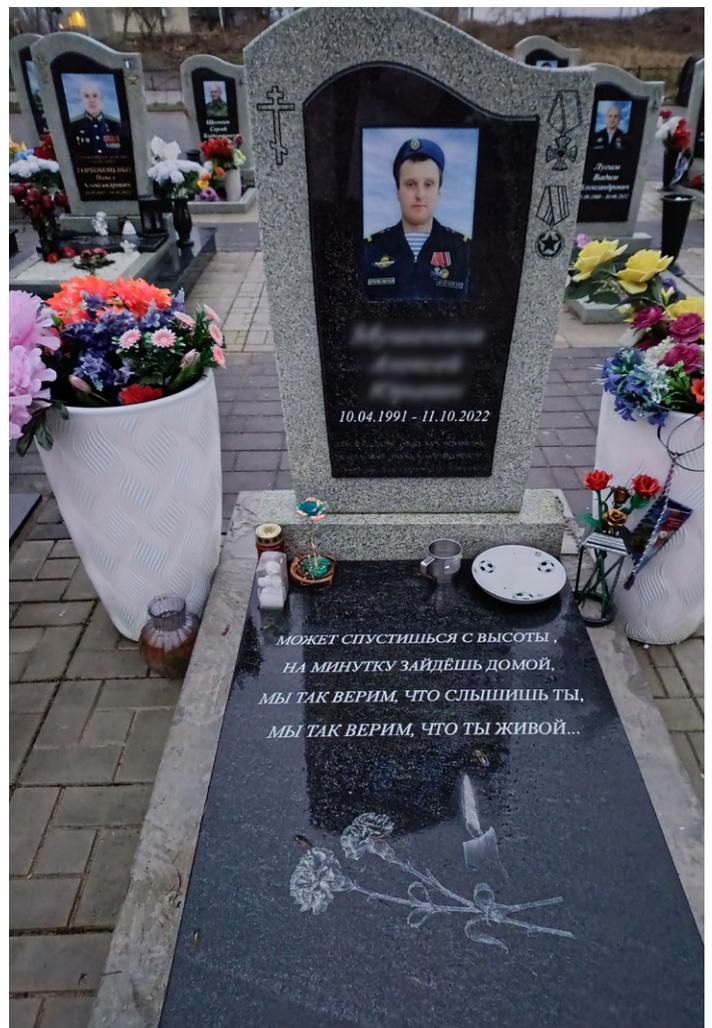
Вообще, похороны — это момент последнего прощания с усопшим, это ситуация скорби и горевания родных и близких людей. При этом сам ритуал военных похорон очень зарегламентированный и пафосный. Однако организаторы мероприятия убеждали меня, что в нём есть место для выражения простого человеческого горя. Они рассказывали, как все официальные лица (и представители военкомата, и представители муниципалитета, и караул, и музыканты) терпеливо ждут, пока «*вдова поплачет*» или «*брат напоследок покурит*». Однако, я предполагаю, что в этой обстановке общего ожидания важных, и совершенно чужих людей эмоции довольно быстро вынуждены свернуться. Ровно об этом же рассказывала моя собеседница, которая участвовала в похоронах своего дальнего родственника:

«Мне кажется, эта торжественность всех нас немного прессовала. Я там даже не поплакала».

Основной вопрос, который обсуждается с семьей — это вопрос, где, собственно, хоронить: индивидуально / близ семейных захоронений или же рядом с другими воинами, в месте компактного захоронения? Согласно рассказам моих собеседников, выбор распределяется «*примерно пятьдесят на пятьдесят*». Часть родственников погибших предпочитает хоронить отдельно или подхоранивать в уже существующие семейные склепы. Часть — на так называемых Аллеях славы. Компактные захоронения не только деиндивидуализируют, превращая погибшего в «одного из многих». Они также фактически лишают его семьи, так как организация пространства не позволяет сделать семейное захоронение, объединенное условным заборчиком. Семейный склеп формирует пространство внутрисемейной скорби, в то время как единое пространство воинских захоронений, напротив, размывает её.

Несмотря на мощный идеологический контекст, решение о форме памятника, изображения и текста на нем остается за семьей. В случае компактного военного захоронения памятники довольно часто устанавливаются унифицированные. Однако родственники могут выбрать картинку и надпись. Впрочем, как показывают наблюдения, и в случае общего, и даже в случае индивидуального захоронения, на надгробиях чаще всего используются именно военные образы.

Наибольшая свобода наблюдается в эпитафиях. В большинстве своем эпитафии клишированные – они уже сформулированы и предлагаются ритуальной индустрией. Тем не менее они заметно отличаются от памятника к памятнику. По сути, эпитафии выполняют коммуникативные функции и чаще всего представляют собой обращение живых к мёртвым. Именно через них близкие родственники говорят со своими умершими и пытаются высказать свое горе и тяжесть утраты. Парадоксальным образом, клишированные и часто нелепые надгробные высказывания оказываются проявлением агентности семьи, заявлением о её праве на могилу близкого человека, и становятся актом частного поминовения в поле публичной коммеморации.

Зима 2025–2026. Фото автора.

«Бесплатные похороны» и «платное опознание»: последний долг герою

Что касается материальной стороны вопроса, очевидно, что в разных российских регионах действуют различные правила. Где-то организацию и оплату похорон полностью на себя берет государство. Где-то этим занимается семья погибшего, получая (или не получая, но ожидая) денежные компенсации. Здесь речь пойдет о ситуации в российском мегаполисе, где, очевидно, гораздо больше ресурсов. Согласно рассказам людей, профессионально занимающихся военными похоронами, семья «всё, абсолютно всё! получает бесплатно».

В набор входят и вещи, необходимые для похорон (военная форма, гроб, флаг, венки и цветы и др.), и услуги (катафалк, автобус для родных и близких, рытье могилы, отпевание, услуги ведущего и пр.). Однако здесь есть свои ограничения и «подводные камни». В частности, памятник, который обычно устанавливается не ранее, чем через год после похорон, выбирается и заказывается самостоятельно. При этом компенсация за него составляет пятьдесят тысяч рублей, что по нынешним ценам не так много и чаще всего она не покрывает затраты. Кроме того, отдельно необходимо оплатить обустройство пространства вокруг могилы. Правда в случае компактного захоронения обустройство территории уже берёт на себя кладбище, которое, вероятно, получает какие-то субсидии или иное финансирование.

Самая дорогостоящая процедура – это опознание. Согласно рассказам моих собеседников, «груз 200» приходит в город погибшего в цинковом гробу, который уже полностью укомплектован сопутствующими вещами и атрибутами. Тело, если это возможно, одето в военную форму. При этом гроб чаще всего запаян. Если состояние тела позволяет, гроб можно открыть для прощания в момент похорон. Иногда в гробу есть окошечко, позволяющее узнать «своего погибшего». Однако бывают ситуации, когда человека долго не могут найти и идентифицировать, и тогда приходит закрытый гроб в связи с плохой сохранностью тела. Здесь у семьи есть право запросить опознание. В этом случае гроб вскрывают в морге, и члены семьи опознают погибшего. И вот сама процедура опознания – вскрытие гроба, демонстрация тела родственникам, перекладывание его в новый гроб, так как старый по каким-то причинам уже не годится – стоит довольно дорого, 36 тысяч. И это стоимость лишь визуального опознания, не генетического анализа.

Оплатить услугу должны родственники, затребовавшие эту процедуру. Безусловно, это очень болезненный и эмоционально тяжелый момент. Однако процедура опознания, по рассказам моих собеседников, очень востребована. Люди хотят убедиться, что в гробу действительно их близкий человек, и они похоронят и будут оплакивать именно его. Кроме того, опознание ставит точку в сомнениях и надеждах в ситуации, когда солдат долгое время числился пропавшим без вести или, как сейчас говорят, «отсутствующим».

Такой разрыв между бесплатными «достойными похоронами» и платным опознанием — это отнюдь не бюрократическая случайность, но «системный выбор», имеющий глубокие социальные причины и последствия. Похороны в данном случае – это публичный ритуал с идеологической нагрузкой. Государство берёт на себя расходы, чтобы формировать и контролировать нарратив, в котором смерть представлена как героическая жертва, но не личная трагедия. Опознание же рассматривается государством как приватная и досимволическая процедура. Парадокс «бесплатных похорон» и «платного опознания» демонстрирует, как современное российское государство управляет смертью, когда героизация спонсируется, а горе приватизируется. Для него важна смерть как символический акт, но не биологический и экзистенциальный факт. «Голое тело», не наделенное статусами и, соответственно, правами (Агамбен 2011), остается и достается семье. Лишь после того, как государство обрядит это тело в мундир, оно похоронит его за свой счёт.

Зима 2025–2026. Фото автора.

Вместо заключения

Государство забрало на войну человека и не вернуло его. Точнее, вернуло мертвое тело, на которое и после смерти заявляет свои права, опуская в могилу под свой гимн и устраивая перфомансы на месте упокоения. Оно организует «достойные похороны», превращая момент прощания с человеком в инструмент идеологической работы. При этом личность погибшего де-индивидуализируется и редуцируется до единственной ипостаси – быть воином.

Через похоронные ритуалы, использование соответствующей символики и создание «аллей славы», государство занимается политической коммеморацией и, тем самым, легитимирует войну. В то же время, место захоронения невозможно «отобрать совсем», оно остается местом семейной памяти, местом общения с родными и близкими людьми. Об этом, например, говорят эпитафии или же детская игрушка у надгробия. А множество развевающихся флагов на кладбищах напоминает о цене войны.

Литература

Агамбен, Д. (2011) *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа, 2011.

Еремеева, С. (2015) *То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России?* Археология русской смерти, (1), 32-50.

Тони, У., Тара, Б. (2023) *Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения*. Социологический журнал, (1), 141-160.

Шерстобитов, К. (2015) «Дополнительная информация» на памятниках: анализ оформления материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны. Археология русской смерти, (1), 168-193.

Verdery, K. (1999) *The political lives of dead bodies: Reburial and postsocialist change*. Columbia University Press.

Авторы:

Светлана Скворцова

Редакторы серии «Аналитические заметки»:

Елена Штайн, Сергей Румянцев, Александра Талавер

Вёрстка:

Лев Владов

Название:

«Господи, благослови! Пли!» Похоронные ритуалы и практики прощания с участниками СВО

№4, февраль 2026

Опубликовано:

Centre for Independent Social Research in Berlin

CISR e.V. Berlin | www.cisr-berlin.org

